

Роль жайлау в системе кочевого скотоводства казахов

Жайлау (летовка) – это место (местность) удобное для летнего содержания скота.

Дефиниция. *Жайлау* (летовка) – это место (местность) удобное для летнего содержания скота. Жайлау должны быть обеспечены в достатке травостоем, водопоем, оптимальной (относительной) прохладой, аэрацией, отсутствием кровососущих насекомых; характерно отсутствие стационарных построек; на жайлау активизируются всяческие социальные связи и отношения населения. Понятие жайлау представляет собой комплекс земельной хозяйственной территории (пастбища, водные источники ...), жилой территории (место расположения юртового аула), места временного (ночного и дневного, для дойки) расположения скота (загоны, привязи и т.п.), а, главное модель ролевого (хозяйственно-трудового, семейно-обрядового, социально-общественного) поведения членов микросоциума – кочевого аула, в первую очередь – *традиционные технологические навыки ухода за скотом в летнее время/сезон.*

Типология и локализация. В равнинной части Казахстана сезонные кочевые пути имели в целом *меридиональную* направленность (например, от зимовий на берегах Сырдарьи до летовок в районе рек Есиль/Ишим и Тобол), в горных районах – *вертикально-высотный* вектор (например, от балхашских берегов до альпийских лугов Джунгарского Алатау), в северных и северо-западных районах Казахстана (в связи с процессом оседания в XIX в.) – *широтную* направленность (10–50 км) и в Кызылкумах и других пустынных местностях (например, Устюрт) – *радиальный* вектор [1, с. 29; 2].

Главная задача кочевника казахстанских степей (от решения которой зависела жизнь и благополучие его семьи и близких) – сохранить и приумножить скот. Лето, самая благодатная пора в жизни кочевника, избавляя его от жестоких зимних морозов, буранов и гололеда, приносило новые проблемы: истощение зимних пастбищ, установление периода высокой жары, иссушение почвы (лишь весной, на краткий срок, полупустынная поверхность покрывается зеленью, на такырах образуются *ћаћ/лужи*), выгорание эфемерной растительности, засоление многих степных речушек (вода которых, лишь весной, на 10–15 дней, во время паводка, становится пригодной для питья), полчища кровососущих насекомых (приводящих в иступление животных).

Кочевник со своими стадами устремлялся в те места, где можно было найти тучные пастбища, хороший водопой, прохладу и отсутствие (относительное) мошкеры – т.е. на *жайлау*, летние пастбища. Такие жайлау, как правило, находились:

- а) в **лесостепной зоне** Северного, Северо-Восточного, северной части Центрального Казахстана;
- б) в **поймах крупных рек** – Жайыка/Урала, Иртыша;
- в) в **верховьях степных рек**, начинающихся с орографических систем Общего Сырта, Подуральского плато, Южного Урала, Мугоджар, Торгай-

ского столового плато, Казахского мелкосопочника (Кокшетауская возвышенность, низкие горы Улытау, Кызылтас, Нияз-Ерментау, Баянаульские, Кызылтау, Каркаралинские, Шынгыстау, Каншынгыс), Каратау;

г) **в верхней части водоразделов степных рек и речушек;**

д) **в средних течениях горных рек, с достаточно широкими речными долинами,** – Рудного и Южного Алтая, Саура, Тарбагатая, Джунгарского Алатау, Иле/Заилийского Алатау, Терской-Алатау, Кунгей-Алатау, хребта Цзынҕара/Кетмень, Кыргызского Алатау, Таласского Алатау, Угамского хребта;

г) **на альпийских лугах** высоких горных хребтов (см. пункт «д»).

На территории Казахстана оформляются несколько хозяйственных зон, отличающихся направлением кочевания, природно-климатическими условиями.

1. *Жетысу.* Основные *зимние* кочевья располагались у южного берега Балхаша в камышовых зарослях и в полупустынных предгорьях Тянь-Шаня и северных отрогах Каратау. **Летние кочевья** находились в основном в горных и предгорных районах.

2. *Среднее течение Сырдарьи.* *Зимние* кочевья находились к югу от реки, в песках Кызылкум, а **летние** – севернее, в низовьях Таласа, урочище Мынбулак, у озера Шубар-тениз.

3. *Нижнее течение Сырдарьи.* *Зимние* кочевья находились в песках Кызылкум и по реке Жанадарья, а **летние** – в нижнем течении Ырғыза и Торгая, у озера Шалкар-тениз.

4. *Северное Приаралье и Мангыстау.* Основные *зимние* кочевья находились на Устюрте, восточном побережье Каспия и в песках Большие Барсуки в Приаралье. **Летние** кочевья располагались в долине реки Жем (Эмба), в Мугоджарских горах и к северу от них.

5. *Южное Приуралье и торгайская степь.* Эта зона занимала междуречье Жайыка/Урал и Жем'а/Эмбы, степи между Елеком и Южным Уралом, верховья Ырғыза и Сары-Торгая, бассейны рек Жыланшык, Караторгай. Меридиональное направление кочевания не соблюдалось, **летние и зимние** кочевья находились недалеко друг от друга, и местоположение их зависело от местных условий. *Зимние* пастбища располагались в защищенных от ветра местах, в низинах, приречных тугаях и песках, а **летние** – на открытых, богатых водопоем пастбищах.

6. Аналогичные условия кочевания были и в самой большой зоне – *Сарыарке, Северном и Восточном Казахстане.*

Пастбищно-кочевая система, или система посезонного распределения пастбищных и водных источников, существует на территории Казахстана, как минимум три тысячи лет. «Оформившись еще в эпоху поздней бронзы, пастбищно-кочевая система просуществовала в ряде районов степной, полупустынной и пустынной Евразии без каких-либо кардинальных изменений вплоть до начала XX века. ...Одной из основных особенностей хозяйства казахов XVIII– нач. XX в. и была пастбищно-кочевая система, или система посезонного распределения пастбищных и водных источников, с круглогодичным кочеванием в меридиональном направлении, с постоянными районами летних и зимних пастбищ (замкнутый цикл кочевания), относительно стабильными маршрутами перекочевков» [3, с. 158]. К. А. Акишев подчеркивает, что «...опыт сезонного распределения пастбищ был накоплен до перехода к кочевому образу

жизни еще племенами андроновской культуры», ибо возникновение кочевого скотоводства «невозможно без сложившейся системы сезонного чередования пастбищ» [4, с. 13–14].

А. Д. Таиров, на основании целого ряда источников, в т.ч. привлекая и материалы по хозяйству казахов XVIII–нач. XX в., приводит следующую реконструкцию пастбищно-кочевой системы кочевников урало-казахстанских степей [5, с. 160–162]. *Зимние* пастбища кочевников Западного Казахстана и Южного Приуралья могли находиться в низовьях Эмбы, на Мангышлаке, Устюрте, в низовьях Амударьи. На **лето** одна их часть, возможно, оставалась здесь, другая откочевывала на север, притоки Ори, Урала, Илека, Эмбы, Сагыза, Темира, в район Мугоджарских гор. Отдельные группы, возможно, имели **летние** пастбища в предгорных и горных районах Приуральской Башкирии. Кочевники, *зимовавшие* в Кызылкумах, на средней и нижней Сырдарье, в Северном и Северо-Восточном Приаралье, в предгорьях Каратау, низовьях Чу и Сарысу, а также в Северо-Западном Прибалхашье, на **лето**, вероятно, уходили далеко на север. Их **летние** кочевья располагались по притокам верховьев Урала, Тобола, Иргиза, Торгая, Ишима, Сарысу, Нуры, в долине Иртыша, достигая на севере границ лесостепи (Южное Зауралье, Северный и Центральный Казахстан). Часть скотоводов, *зимовавших* в песках Мойынкум, в предгорьях Каратау, на **лето** также откочевывали в Центральный и Северный Казахстан, часть поднималась в горы Каратау и Заилийский Алатау. В этих же горах, а также в Джунгарском Алатау и на северных отрогах Тянь-Шаня **летовали** скотоводы, проводившие *зиму* в песках Южного Прибалхашья, в долинах Таласа, Чу, Или [6, с. 14–16].

Таким образом, *основным районом зимовок* кочевников урало-казахстанских степей являлась полоса пустынь и предгорий, протянувшаяся от Каспийского моря до озера Балхаш и Алаколь: Мангышлак, Устюрт, низовья Амударьи и Сырдарьи, Кызылкумы, Приаралье, низовья Сарысу, долины рек Талас, Чу, Или, предгорья Каратау, пески Мойынкум и Южного Прибалхашья (Таукум, Сарыесик-Атырау). Здесь в *зимний* период концентрировалась основная масса кочевого населения урало-казахстанских степей и полупустынь, кочевников и полукочевников Средней Азии. Причем зачастую у кочевых групп, **летовавших** в различных регионах Казахстана, *зимние* пастбища располагались по соседству, как это было у казахов XVIII–XIX вв. Так, казахи Перовского уезда Сырдарьинской области имели **летовки** в верховьях Сарысу, горах Улытау и Кишитау, в верховьях Тобола и на Уе Троицкой укрепленной линии (до постройки этой линии, казахи, по-видимому, уходили и за Уй), часть же – проводило все **лето** у своих *зимовок*, в своем уезде. *Зимовки* рода конырат были расположены на юго-западных склонах Каратау, а **летовки** – в горах Каратау и Атбасарском уезде Акмолинской области [7, с. 136–147].

Казахи одних и тех же аулов различных волостей Перовского и Казалинского уездов Сырдарьинской волости в конце XIX – нач. XX в. на **лето** делились на две-три части. Одна оставалась в пределах своих волостей и уездов, где *кочевала* в районе *зимовок* и одновременно занималась земледелием и сенокосением, т.е. вела полукочевой образ жизни, другая **откочевывала** в Атбасарский уезд Акмолинской волости, третья располагалась на **летовки** в Торгайском, Иргизском и Кустанайском уездах Торгайской области [8, с.192–197].

«*Зимние* пастбища Аулие-Атинского уезда Сыр-Дарьинской области находились в основном в долинах Чу, Таласа, в песках Мойынкум, на северных склонах Алатау и в отрогах Каратау. Большая часть **летовок** располагалась в пределах своего уезда по склонам Алатау и на Каратау. Лишь 25% общего числа кочевников **уходили** за пределы Сыр-Дарьинской области на север, в Атбасарский, Акмолинский, Каркаралинский уезды, пересекая Бетпак-Далу, часть же крупных баев **откочевывала** в Наманганский уезд Ферганской

области» [9, с. 77]. Кочевники ряда уездов Семиреченской и Семипалатинской областей занимали в основном горные массивы Южного

Алтая и их отроги, альпийские луга которых использовались в качестве **летних** пастбищ. В качестве же **зимних** пастбищ использовались пустынные равнины, пески и солончаки, камышовые заросли вокруг озера Балхаш, Алаколь, Зайсан. *Полукочевниками* были значительная часть кыпчаков, осевшая на местах *зимовок* – в бассейне Сырдарьи, Сарысу, в предгорьях Каратау. А отдельные их группы занимались орошаемым земледелием в районах Улытау, Торгая, Ишима. Кочевые казахи-адаевцы в начале XX века делились «на четыре группы, которые **кочуют**:

- 1) с Мангышлака через Уил на Хобдо;
- 2) по Устюрту, т.е. южнее Эмбы;
- 3) по Мангышлаку;
- 4) на Бузачинском полуострове».

Помимо *зимовок*, встречи кочевников, занимающих различные регионы Казахстана, могли происходить и на местах **летовок**. Племена, *зимующие* на Устюрте, Мангышлаке, в низовьях Амударьи, **лето** проводили в предгорьях Урала, на западных склонах Мугоджар (верховья Эмбы и Ори). Отдельные же группы номадов, имевшие *зимние* пастбища в низовьях Сырдарьи, Кызылкумах и Среднем Приаралье, располагались на **летовки** на восточных склонах Мугоджар (притоки Иргиза), в Восточном Оренбуржье (на притоках Урала и Ори), доходя до верховьев Эмбы и Ори, т.е. кочевали **летом** в непосредственном соседстве с номадами Западного Казахстана и Южного Приуралья.

По природным условиям урало-казахстанские степи делятся в настоящее время на три крупных, достаточно обособленных естественно-географических региона: Западный Казахстан и Южное Приуралье; Южное Зауралье, Северный, Центральный и Восточный Казахстан; Жетысу и Южный Казахстан. Приведем конкретную локализацию жайлау казахов Оренбургского края, по состоянию на середину 1860-х гг., по данным М. И. Галкина:

Западная часть области. *Род табын летом* кочевал по рекам Шынгырлау, Оленты, Шидерты, Калдыгайты, Булдырты, Кобда, Киыл, Ушкараган, Туманша, Ойыл/Уил, Анкаты и на урочищах Канколь, Тументам; *кердері* – по рекам Анкаты, Шидерты, Барбастау и около озер Шалкарколь и Ортаколь; *тама* – по рекам Анкаты, Шидерты, Барбастау, Оленты; *алшын* – по рекам Кандыгайты, Булдырты, Жаксыбай, Киндыкты, Шымбет; *байбаһты* – по рекам Кандыгайты, Булдырты, Оленты, Шидерты, Шымбет, Кызылагаш и Анкаты; *тана* – по рекам Булдырты, Оленты и Анкаты; *һызылқұрт* – по рекам Жаксыбай, Жыланды и на озерах Кусколь; *масһар* – по реке Жаксыбай; *ысыһ* – по рекам Калдыгайты, Булдырты, на Жетыколь-Жаксыбай и Жарлы; *шеркеш* – по рекам Кандыгайты и Булдырты; *есентемір* – на вершине р. Ойыл по речкам Жаксыбай, Калдыгайты и Булдырты; *беріш* – проводят лето, начиная от устья р. Жайык/Урала и направляя свои кочевки вверх по Уралу, доходят до Колмыковской крепости, а отсюда с устья реки Жаксыбай до вершины оной по разным притокам, по направлению к Ойыл, Караколь и Карабау. Частью кочуют еще в окрестностях песков Атанат; *таз* – по речкам Сагыз, Ойыл и Жаксыбай; *кете* – по рекам Жем/Эмба, Сагыз, Ойыл и на вершинах р. Кобда; *шДмішти табын* – при реках Жем и Сагыз, по Устюрту и в песках Сам; *адай* – по рекам Жем, Сагыл, в песках Сам на Устюрте, и в особенных случаях в песках Тайсойган.

Средняя часть области: *шекті* – по урочищам Большой и Малый Борсык, на урочище Кокарал, около Аральского моря, и на вершинах р. Жем; *отделения рода шекті* – *шльрен, назар* – по притокам Большая и Малая Кобда, по урочищам Бестамак и Есенбай; *тДртһара* – летом и зимою по реке Ыргыз; *шДмекей* – по рекам Сырдария, Куандария и Ыргыз и на урочищах Торгай и Каракум; *табын* – по рекам Елек, Большая, Средняя и Малая Кобда,

Обалыборте и Курайлы; *жасалбайлы* – кочует по рекам Тогызак, Кызыл-шилик, Камысты, Таукара-Аят, Индер, Бугутау, Тасты, Бутак, Кумак, Тобол, Кызыл, Ебейты, Куагаш, Кум-ыстык, Карауй.

Восточная часть области: *аргын* – по верхним частям рек обоих Торгаев и при том вообще по всем тем речкам, озерам и местечкам, которые лежат между реками Торгай и Тобол, равно по всем таковым же, впадающим в реку Обаган с левой ее стороны; *һыпшаһ* – по правую сторону реки Тобол, смежно с аргынами. Также по озерам, лежащим между реками Тобол, Шортанды, и Тогызак, равным образом между старою и новою линиями, затем по рекам Сырдария, Жыланшык и по Торгаям; *керей* – по рекам Тобол, Обаган, Тогызак, смежно с аргынами и кыпшак; *жаппас* – по рекам Сырдария, Торгай, Тобол, Айет и Тогызак и между старою и новою линиями; *алтын* – по рекам Сырдария и Большой Торгай, Тобол, Олькейек, Каракой-Мамыт и по озерам Оркаш, Шонке с окрестностями [10, с. 241–250].

Локализация жайлау по Я. П. Гавердовскому (первая пол. XIX в.):

Большая орда: племя *дулат* – главные кочевья их располагались к китайской границе в окрестностях города Кульджи и в Джунгарии, некоторые простирались к Кашгару и Коканду, имея летние свои кочевья около рек Талас, Ангрэн, Шыршык и в горах Актау и Шынгыс-шаган; племя *сыргелы* – кочевали летом от Туркестана вниз по течению реки Сырдария до перевоза Акмечеть, где отделяется проток Куан от реки Сырдария, и к северу от сих мест около озера Алаколь; племя *канлы* – кочевья их близ верховий реки Сырдария и около гор близ Ташкента.

Средняя орда: племя *найман* – кочевья около китайской границы против крепостей Кужан-Кайнан и города Шыршык. По реке Иртышу, начиная от ее истока из озера Зайсан, и в горах Тарбагатай; подразделения племени *аргын* – *тортаул*, *караул*, *каракесек* – кочевья летние при горах Ерейментау и по речкам Нура и Жидесу; род *таракты* – кочует летом в вершинах речки Есиль и по реке Сарысу; *кыпшак* – одно отделение кочует около рек Есиль, Обаган и в урочищах Жасын и Багар; *керей* – два отделения кочуют летом по рекам Уй и Тогызак; отделения *карабалык*, *танабугы* кочуют летом по рекам Тобол и Айет, и по источникам сей последней от вершины до самого устья; *абак-керей* – 4 отделения кочуют летом по восточной стороне реки Обаган и по степи до реки Есиль; *аржытым* (*часть племени аргынов*) имеет 12 уделов, кочуют летом по рекам Торгай, Тобол и по впадающим в них источникам со степной стороны; *шакшак*, или *верхние шекты* (*часть аргынов*), состоят из 5 отделений, кочуют летом, начиная от города Троицка по степной стороне до берегов реки Тобол и вверх по оной до устья реки Айет; *баганалы-найман* – одно отделение, кочевья летние – близ верховий Есиля;

Младшая орда: Отделившиеся от Младшей орды в сообщество к Средней разные уделы, заключающие до 6000 семей... Кочевья их разделены, они располагаются по реке Шу/Чу, в вершинах речки Есиль и около рек Сарысу и Сарыкенгир; *алшын* (*часть союза байулы*) – имеет два отделения, кочевья летние – в песках Каракум; *роды алтын*, *таздар* (*из союза байулы*) и *телеу* (*из союза жетыру*) – кочевья свои располагают соединенно, летом – к северу от реки Торгай по речке Карасай; *керейит* (*из союза жетыру*) – 12 отделений, кочевья летние – в северной стороне песков Каракум, в урочище Бельтобе, и, перейдя Ыргыз, распространяются даже до горы Карашытау; *карасакал* (*из союза алимулы*) – 4 отделения, кочевья летние – к северу реки Сырдария в песках Каракум, около урочищ Тагискен, Коныртобе, Коржын, Тобеколь, до самой речки Алдыкарасай;

Главные части отделения алимулы-шомекей: *торткара* (*из союза алимулы*) – 12 отделений, кочевья летние – в песках Каракум около урочища Калмас, по реке Ыргыз, и по реке Улыыргыз до вершины оной; *кишкене-шекты* (*из союза алимулы*) – состоят из 6 уделов, кочуют летом – к северу от реки Сырдария, около Аральского моря, в песках Каракум, при урочищах Шыганак, при озерах Большой Борсык и распространяются даже до вершины реки Жем/Эмбы; *алимулы-улькен*, или *биликшора-шекты* (имеет 4 удела), *аккете* (*из алимулы-*

шомекей, имеет 9 уделов), кочуют летом соединенно – к северу от реки Жем, по реке Темир и в вершинах рек Сагыз, Ойыл, Кобда и Елек;

Главные отделения союза байулы: *адай* (12 уделов), *шеркеш* (8), *берыш* (7), *тана* (6), *байбакты* (8), *алаш* (7), *сыклар* (6), *маскар* (6), *таздар* (6), *кызылкурт* (5), *есентемир* (4), *жаппас* (2) – кочуют летом соединенно – по степи между реками и р. Жем и при речках Калдыгайты, Булдырты, Жосалы, Анкаты, до реки Кобда и Елек; часть, отделившаяся от Средней орды рода *абак* содержит 8 отделений, кочевья летние и зимние по реке Ойыл в камышах [11, с. 405–421].

Алгоритм кочевания. Все четыре основных вида сезонных пастбищ: *кыстау*, *коктеу*, *кузеу*, *жайлау* – составляют нерасторжимые части единой пастбищно-кочевой системы. Успешное функционирование одной из этих частей единого «технологического процесса» повышало шансы на успешное проведение следующей за ней, и последующих. Задача скотовода кочевника – сохранить и приумножить скот: *зимой*, диспесно-рассеянно расположившись на своих *кыстау*, пережить суровые морозы; *весной* – используя первую, бурно растущую зелень и обилие влаги, дойти до летовок; *летом* – максимально обеспечить нагул скота на *жайлау*; *осенью* – покинув *жайлау* с поредевшей травой и из-за наступающих заморозков, необходимости до первого снега спуститься в долины – использовать для скота степную и полупустынную растительность, обладающую максимально энергетической ценностью и витаминами, постепенно вновь приучая скот к закалке, к более низким температурам воздуха на открытых пространствах, в преддверии предстоящей зимы. (*Ай һамын бір рет ойласағ, жыл һамын он рет ойла*/Если один раз подумал/решил как прожить месяц, то семь раз подумай как прожить год; *Жаздығ һамын һыс ойла, бір ойлама, ғыш ойла*/О лете зимой думай, да не раз, а трижды подумай; *Һыстығ һамын жаз ойла, жаздығ һамын һыс ойла*/О зиме летом думай, о лете – зимой; *Жазына һарай жайлауы, сазына һарай байлауы*/Каково лето – таково *жайлау*, каков травостой – таков *кумыс*).

Если зима была тяжелой, и скот страдал от бескормицы, джута, затем весна была поздней, лето с засухой – то оптимальный ритм кочевок нарушался. Поредевший численно, от тяжелой зимы, скот, не восстановив сил на скудной поздней весенней траве, и на *жайлау* порой находил лишь чахлую растительность. В такие годы обострялись взаимоотношения между родами за право пользования летними пастбищами. Кочевники были вынуждены и летом часто менять скудные от засухи пастбища, и метались со своим скотом по степи. И, естественно, скот, не набравшийся за лето сил, не нагулявший жиру имел меньше шансов пережить предстоящую зиму.

Караван кочевников, отправляющийся в путь на следующую сезонную стоянку, называется кош (*кДш*). (*Һазаһтығ осы жер дегені, кДш жер*/Для казаха понятие «близко, рядом», это весь путь кочевья; *Аһ бДкенді жатыр деме, кДшпелі елді отыр деме*/Как сайгак не знает покоя, так и кочевой народ не сидит на месте; *Таыуһ һүсһа цшу жоһ, там ғылгерге кДшу жоһ*/Курица не способна летать, а дом (стационарный) не может кочевать; *кДш жьре тьзелер*/Порядок в караване устанавливается в пути; *Шаруа кДшсе – байыды*/Скотовод богатеет, если кочует).

Кочевали обычно *аулом* – подвижным селением, связанным родственными узами или хозяйственными выгодами, придерживаясь, во избежание столкновений с соседями, одних и тех же урочищ, колодцев. В урочищах с обилием травы, хорошим водопоем *аул* располагался на несколько дней, а если позволяли условия, и больше. В безлюдных пустынях со скудным травостоем стоянки сокращались до 2–3 дней.

Последовательное передвижение по сезонным пастбищам являлось единым производственным процессом, при котором кочевка выступала как стадия его замкнутого годового цикла.

Весенне-летнее кочевание. Перед выездом с зимовки устраивался «*наурыздама*». Время весеннего кочевания – это массовый приплод овец и коз и выращивание молодняка до такого состояния, когда он мог переходить со стадом 8–10 км ежедневно. Остановка на весенних пастбищах – трудный и ответственный момент в жизни скотовода, так как совпадал с окотом скота, стрижкой верблюдов; уход за молодняком требовал большого труда. Самая длинная перекочевка – на **жайлау** и обратно. (*КДрінген жердігі алыстысы жоһ* / До знакомого места путь недалог). Решался вопрос о темпах движения и маршрута кочевки. Время начала кочевки определяли есепшы/*есепші*, народные предсказатели погоды. В основе казахского народного календаря лежали астрономические представления и знания звездного неба, накопленные многолетним народным опытом. Кочевое хозяйство требовало знания счета времени и понимания периодичности явлений природы. Казахи наблюдали за движением небесных светил. Постоянное передвижение в бескрайних степях научило их хорошо ориентироваться в сторонах света, находить по звездам дорогу, точно определять расположение урочищ, колодцев, пастбищ. Заранее подготавливается все снаряжение и необходимая утварь, еще раз подсчитывается и осматривается гужевой и верховой «транспорт» – лошади, верблюды, иногда и быки. Если транспорта не хватает, то аул перекочевывает на жайлау в несколько этапов. Аксакалы, старейшины рода, аула дают конкретные распоряжения жигитам, женщинам, всему аулу, никто не остается в стороне. Первые дни откочевки на жайлау являлись праздником.

Караван/*кДш* обычно представляет собой красочное зрелище. Верблюды, везущие части юрт, иную поклажу, женщин, детей – нарядно украшаются. (*Нар жолында жьк һалмас* / На пути нар'а/одногорбого верблюда-самца не останется на земле вьюка-груза). Правильно навьючить груз на верблюдов, быков, лошадей это целое искусство; кочевник, как и моряк, знает несколько десятков веревочных узлов, и виртуозно применяет различные виды веревок (*арһан, жіп, бау*) в хозяйстве и быту. На верховых конях самые нарядные седла, со сбруей. Но наряднее всего выглядят девушки/*һыздар* и молодухи/*келіншектер*. У девушек – богато украшенные седла и сбруя – являющиеся частью будущего приданого (у молодух – часть ее приданого, с которым она пришла в семью мужа). Все участники кочевки надевают свои лучшие платья. Молодые затягивают песни, все оживлены, перешучиваются, смеются. Женщины из встречающихся на пути каравана аулов, выходят навстречу кош'у с кесе, торсык'ом, наполненными айраном, кумысом, с баурсаками и лепешками в руках, угощают и желают благоденствия всему перекочевывающему аулу (*Жайлауығ байсалды болсын, айсырығ байталды болсын!* – Пусть твой жайлау будет спокойным, удобным, а жеребцы всегда с кобылами!).

Вперед каравана высылаются люди, которые заранее готовят промежуточную стоянку-ночлег на пути к жайлау, инспектируют наличие водных источников для питья и поения скота, топлива, проверяют предстоящую дорогу-путь, подготавливают преодоление внезапных препятствий, рек, крутых подъемов и т.п. Скот на перегоне разделяется по видовому составу, и на отдельные группы, если его очень много. При переправах через реку, часто молодняк скота всадники перевозят на лошадях. Скот разных видов сопровождают опытные чабаны, табунщики; существует опасность поедания скотом во время кочевки ядовитых и нежелательных растений.

В начале лета аулы прибывали на жайлау. Здесь доили кобылиц, изготавливали кошмы и производили заготовку молочных продуктов. В начале июня проводили кастрацию ягнят, бескровным способом (разрывом семенного канатика). В конце июня проводилась первая стрижка ягнят. До этого их вместе со стадом несколько дней подряд загоняли в реку или озеро.

За лето хорошие овцеводы мыли стадо баранов не менее 2-х раз в месяц, что способствовало исчезновению нарушений кожного покрова, быстрому росту шерсти и укреплению организма животных.

С мая по сентябрь проводился ежедневный осмотр животных на предмет освобождения их от клещей и других паразитов, борьбы с язвами, чесоткой и т.д. Для этого использовалось так называемое навозное масло (*кый-майы*). Лечебную мазь скотоводы готовили сами. На ровную площадку высыпалось 5–6 мешков конского сухого навоза, который поджигался. Когда масса прогорала, добавляли 3–4 мешка просеянного овечьего навоза. Кучу обсыпали золой, кошмой и землей. В центр этой кучи вставлялась металлическая труба, из которой за сутки накапывало до 1 метра пахучей вязкой жидкости (*кый-майы*). Эта мазь очень ценилась кочевниками, и они обменивали ее на животных, кошмы и другие изделия. В начале сентября проводили осеннюю стрижку овец. Свежестриженная шерсть использовалась для приготовления кошм/*киіз*. *Осеннее кочевание*. Во второй половине сентября–октябре кочевники совершали обратный путь с летних пастбищ на зимние. Использовались те же пастбища, по которым кочевали весной, где за лето травы отрасли и обсеменялись. В день проходили по 25–30 км, и в ноябре достигали *кузеу*. На осенних пастбищах проводилась случная компания. В ноябре заготавливали на зиму мясо (*согым*). Если мужчины при осенней кочевке находились рядом с табунами и отарами пасущихся гоним животных, то женщины и дети кочевали на верблюдах в специально устроенных «*кошалау*». По бокам верблюда на уровне горбов крепилось два сундука/*сандык* и сверху покрывали их двойной кошмой, в результате получалось как бы углубление, в которое усаживались женщины. Сундуки и кошма защищали их от ветра. Женщины с грудными детьми брали с собой люльку (*бесік*). Выючное приспособление верблюдов называется *шом*, а быков – *ығыршаһ*. Сезон осенних кочевков заканчивался в конце ноября–декабре.

Темп движения на летние пастбища был медленным, обратно на зимовки – более быстрым. Такой порядок кочевания повторялся ежегодно, пастбища и кочевые пути были строго разграничены между общинами. Распределение кочевых путей и пастбищ было основным условием пастбищно-кочевой системы, которая обеспечивала нормальную жизнедеятельность общества. Устойчивые маршруты изменялись только под влиянием крупных экономических и политических обстоятельств. Древние авторы точно характеризуют стабильность и постоянство кочевых маршрутов номадов: «Передвигайтесь, не будьте оседлыми, кочуйте по весенним, летним и зимним пастбищам и землям у моря, не зная недостатка. Пусть у вас не убавятся молоко, сметана, кымран» (*Огуз-хан*); «Они следуют за своими стадами, выбирая всегда местности с хорошими пастбищами; зимою в болотах около Меотиды, а летом на равнинах» (*Страбон*); «Все они зимою спускаются к морю, а летом по берегам этих самых рек поднимаются на горы» (*Плано Карпини*); «Всякий начальник знает границы своих пастбищ, а также, где он должен пасти свои стада зимою, летом, весной и осенью» (*Гильом Рубрук*).

С древности, вплоть до середины-конца XIX в. в Казахстане существовали традиционные маршруты и годовые циклы кочевания со сменой сезонных пастбищ. При этом каждый род, который состоял из десятков, а нередко из сотен аулов, традиционно кочевал в пределах определенной маршрутной зоны.

Пространственно-хозяйственная структура кочевого аула на

жайлау. *Жайлау* – это второй системно-структурный компонент в генеральной связке «кыстау–жайлау» (коктеу и *кузеу* занимают соподчиненное место в цикле сезонного кочевания) – генеральных «маркерных» пунктов в системе жизнеобеспечения казахов (кочевой ХКТ – хозяйственно-культурный тип). *Жайлау*, в отличие от *кыстау*, не имеет прочных стационарных жилых и хозяйственных построек. Но хорошие летние травостойные участки и водопои, согласно устной (позднее – зафиксированной в письменном виде)

договоренности родовых и племенных правителей, имели своих владельцев (в виде родовых подразделений), обладавших правом преимущественного пользования. *Жайлау* располагается обычно в горах, верховьях рек, на водоразделах... Место для установления жилых и хозяйственных юрт также варьировалось из года в год. В местах, не столь обильных травостоем и водой, стоянки кочевого (юртового) аула, периодически переносились на новые летние пастбища, т.е., происходило «микро- и мидипередислоцирование» в пределах летнего жайлау (или в пределах довольно обширного ареала, где удобные летние пастбища расположены на некотором удалении друг от друга).

Основная роль *жайлау* в системе кочевого ХКТ (хозяйственно-культурного типа) – максимально обеспечить прирост и качество нагула скота за период летнего времени. Местный локальный рельеф и ландшафт, особенности гидрографии и орографии, режим локальных микроклиматов, роза ветров, меридиональная и горно-высотная зональность, эффект «теневого, засушливого зоны» к востоку и к югу от горных островных массивов в Центральном Казахстане довольно «детерминировано» предоставляли такую возможность (обильные, сочные пастбища, хороший водопой, относительную прохладу, аэрацию и отсутствие кровососущих насекомых).

Важно не только охарактеризовать предметно-материальную структуру «жайлау» как комплексную летне-сезонную стоянку, но и предметно описать суть, структуру выпаса скота, экологичную технологию бережного стравливания пастбищ, уникальные признаки/свойства аборигенных, адаптивных, местных пород скота, технологию водопользования, водосбережения и водоснабжения, функциональные особенности различных видов разборного жилища (юрта и временные конструкции из ее частей), методы ориентирования во времени и пространстве и многие другие аспекты хозяйствования – именно в период летнего сезона.

Прибыв на жайлау, аул устраивается, иногда на прошлогоднем месте, иногда чуть поодаль, иной раз (вследствие ряда причин) и на абсолютно новом месте, на новом летнем пастбище. Соблюдается определенный порядок устраивания юрточного лагеря (близ реки, у озера, у подошвы горы, в урочище). Юрта хозяина аула, самая большая и нарядная устанавливается на самом хорошем, удобном месте. (*Бай һоғысы саһтаулы*/Место стоянки бая неприкосновенно). Рядом, в линию, либо полукругом, либо вразброс ставят юрты остальных семейств аула (соблюдая определенную иерархию). Двери юрт устанавливаются на восток.

Ранее прибывшие на это пастбище-жайлау аулы, семьи с радостью встречают вновь прибывших соседей и обязательно, по традиции, приглашают их в гости, на трапезу/*ерулік*. (*КДшкен елдіг кДмеші болса, еру елдіг ерулігі бар* / Во время перекочевки – еда-лепешка, зато во время остановки каравана – ерулик-трапеза; *Туысы жаһын жаһын емес, һонысы жаһын жаһын* / Доброе соседство прочнее родственных уз; *КДршіг һолайлы болса, һораг кег* / Когда сосед по душе, в тесном дворе просторно; *КДрші аһысы – Ткгір хаһысы*/Право соседа – право Тенгри; *Льй алма – кДрші ал*/Выбирай не дом, а соседа).

Позади юрт ставят хозяйственные небольшие юрты, иной раз без шанырака (типа *шошала, тошала, һос, жолым-льй, итарһа, алашыһ, кльрке* и др.). На некотором расстоянии от юрточного лагеря устраивают (часто на старом месте) загоны для ночлега овец, место для доения скота, привязки ягнят, жеребят, верблюжат. Казахи активно и с пользой используют для хозяйственных целей особенности рельефа сезонной летней стоянки. В горах, для устройства кладовок используют, если имеются, пещеры, гроты, отвесные скальные стены в качестве одной-двух стен; для устройства загонов для скота – выходящие на пологий уровень нижние концы скальных кулуаров, которые могут образовать две защищенных «стены» (расположенные чаще всего под острым углом друг к другу), с третьей стороны подобный естественный загон загораживается/запирается невысокой стенкой из кольев, переплетенных

ивняком, из стволов деревьев, из камыша/тростника и других подручных материалов. В степи также для загонов используют естественные укрытия в виде склонов сая и т.п. (*Ғора оғды болса, Һойығ Һоғды болар* / Когда овчарни исправны – и овцы справны; *Ғой Дрісі Һорадан* / Овчарни в порядке – и овцы плодятся).

Время пребывания на жайлау – самая желанная, самая прекрасная пора для скотоводов-кочевников. На тучных летних пастбищах скот быстро тучнеет. Все хлопоты по дому проходят на приволье, вне стен, да и сама юрта может мгновенно «слиться» с природой, стоит только открыть тундык/*тльндік*, двери, приподнять «полы» юрты/*туырлығ*; радостные встречи с родичами и соседями на жайлау, молодежь допоздна устраивают вечера с играми, песенными состязаниями. Жайлау – это для кочевника праздник души. (*Кпкениғ льйі – кеғ жайлау* / Дом сестры – раздольное жайлау).

От качества пастбищ на жайлау зависит важная пора в хозяйственном году кочевника – нагуляет ли вес скот, приумножатся ли стада и табуны. Немаловажную роль играет и традиционная природоохранная деятельность казахов, уровень их экологической культуры, сознательность и усилия конкретных рачительных хозяйств. Только при условии наличия и «точечного», конкретного применения многовекового опыта ведения кочевого пастбищного хозяйства, великолепного знания особенностей каждого из многочисленных видов пастбищ, в сочетании с водными источниками, личной ответственности каждого хозяина-скотовода – возможно относительно успешное экономико-рентабельное существование хозяйства на протяжении всего календарно-хозяйственного года (помня о том, что по «итогах» года проживаемого, завершающегося, – в немалой степени зависит «успех» года следующего). (*Жер Һцтты болса, мал сьтті болады* / За выпасами ухаживать – всегда молоку быть; *Жеріг отты болса, малығ сьтті болады* / Обилие молока – от обильного травостоя; *Жайлауы жаһсынығ кр бцтасынығ тльбі бір кесек ет* / На богатом жайлау под каждым кустом мяса кусок; *Ғонысты жағартпасағ, Дрісі азады* / Когда пастбище не меняют – пастбище истощается; *Жаһсы адам – елдіг ырысы, жаһсы жер – жаннығ тынысы* / Хороший человек – опора для народа, хорошая земля – символ жизни для человека). *Хозяйственно-культурный аспект жизни на жайлау.* Помимо особенностей ухода за скотом в летний сезон (будут рассмотрены ниже), на жайлау интенсифицируется домашне-промысловая деятельность мужчин и женщин. Женщины пряли шерсть, валяли войлоки, ткали различные предметы домашнего быта, плели циновки (*оре ши, шабағ ши, шым ши, шым есік*), занимались дублированием кожи и овчины, вышивали, – не оставляя своей ежедневной привычной работы по дойке скота, обработке молочных продуктов, приготовлению пищи, уходу за детьми и т. п.

У казахских женщин не было специализации по отдельным видам работ. Почти каждая казашка владела навыками в различных домашних ремеслах (хотя, разумеется, отдельные мастерицы достигали совершенства и народной славы в отдельных видах декоративно-прикладного искусства), чему способствовало обучение в кругу семьи девочек с раннего возраста различным рукоделиям. Большую роль играло участие родственников и соседей в общем процессе производства трудоемких бытовых и художественных изделий. Женщины готовили сырье для выделки различных предметов быта: шерсть овец и верблюдов, пух и волос коз, конский волос, обрабатывали шкуры животных. Производство войлока являлось сложным многоступенчатым процессом и требовало коллективных усилий и кооперации. От заготовки шерсти (ее взбивают, стирают, сушат, красят, варят, укладывают, скручивают, катают и т. д.), до получения готового войлока принимали участие женщины не только семьи, создающей войлок, но и жители аула. (Мастерицы, после помощи одной семье, идут в юрту к другой, и при этом в один голос говорят «Һой басты, Һой басты/Ваш дом наполнен овцами». Услышав это, хозяйка выходит из юрты и выносит кошмоваляльщицам-помощницам угощение – кумыс, баурсаки, курт и т. п.; «*Тулағ шашу*/Взбивание шерсти». До и после

совместной работы хозяйка готовит специальное угощение для женщин, взбивающих шерсть. Это тяжелая работа, требующая большого количества рабочих рук, всегда выполняется со смехом и с игривыми, веселыми шутками, песнями). Для окраски шерсти в различные цвета казахи, вплоть до середины XIX в., пользовались красителями, которые вываривали из различных растений, корней и минеральных солей. Из войлока выделяли: *текемет*, *сырмаһ*, *тльскииз*, *аяһ һап*, *тен* и др. Ткали на станке (*Дрмек*) узорные ленты, полосы для украшения юрты – *бау*, *басһыр*; , *кДрме*, *һаршың*, ковры ворсовые (*тлькті кілем*), безворсовые (*таһыр кілем*, *алаша*) [12, с. 92–111].

Важную роль в хозяйственной жизни казахских кочевников играли народные традиции бескорыстной соседской трудовой взаимопомощи. *Асар*, *льме* – аульчане, собравшись вместе, выполняли работу, требующую коллективных усилий: установка юрты, строительство дома, загона для скота, стрижка овец; помощники не брали плату за свою работу; хозяин дома готовил для них специальное угощение, оказывал всяческие почести. *Кльзем шай* – праздник стрижки. После стрижки скота, с участием соседей-помощников, каждый дом по очереди приглашает их к себе на угощение, где аульчане веселятся, поют, шутят. *Келі тльбі* (букв. *келі* – ступа, *тльбі* – дно) – людям, оказывающим помощь в взбивании масла, полагалось масло и т. д., за их труд.

Социальная жизнь на жайлау. Летние жайлау являлись также местом сосредоточения и проявления максимума социальной активности населения, от организованных институционально-потестарно-властных мероприятий до народных празднеств, тоев и т.п. На одном жайлау могли находиться аулы нескольких родов. Например, на обширном плато Ассы в Алматинской области (что тянется в широтном направлении от верховий реки Турген до горы Торайгыр) летовали и казахи и кыргызы. Именно на жайлау, где порой сосредотачивались по соседству десятки аулов из разных родов и племен, все население, от мала, до велика, с радостью и воодушевлением встречались вновь со своими ближайшими и дальними сородичами, соседями из других родов и, даже, соседних народов. Молодежь прекрасные летние вечера и короткие ночи проводила в совместных встречах: качались на качелях/*алтыбаһан*, устраивали песенные состязания, игры (*аһ сльйек*), жигиты знакомились с девушками; среднее и старшее поколение встречались за дастарканом, обменивались новостями, укрепляли старые родственные и дружеские связи, заводили новых друзей; аулы поочередно устраивали празднества/*той*, с состязаниями акынов (*айтыс*), со спортивными схватками (*бкйге*, *жорса жарыс*/скачки скакунов; *аударыспаһ*/борьба всадников, с целью сбросить соперника с седла; *кДкпар*/«козлодранье»; *кльміс алу*/всадник на скаку должен поднять с земли монету; *һазаһша кльрес*/борьба; *һыз һуу*/«догони девушку» и мн. др. На жайлау часто собирались сходы, на которых решались различные проблемы, как внутривидовые, так и межвидовые; разрешались судебные тяжбы, при участии народных судей/*биев*. И, как правило, именно на жайлау проводились свадьбы и отмечались пышные *асы*/поминальные годовые тризны в честь покойных.

Жилище мобильное. В летнее время и во время сезонных перекочевков казахи жили в легких переносных мобильных жилищах. *Юрта* – разборное жилище, изготовленное из дерева и войлока/*кииз*. Юрта быстро собиралась и разбиралась, средняя юрта могла транспортироваться двумя лошадьми или одним верблюдом. Она состояла из «*кереге*» – остова (деревянная решетка), сферического купола – «*шанырак*», радиально расположенных жердей «*уык*». Размер юрты зависел от количества секций *кереге/канат*, расположенных кругом. Юрта, состоящая из двенадцати канат'ов, имела площадь в 100–120 кв. м.; 12–16–18-ти канатные юрты существовали с XII в. до начала XIX в., затем перестали встречаться.

В походах, на охоте и в некоторых других случаях (для пастухов и табунщиков) кочевники использовали более простые виды жилища – шалаши из различных частей каркаса юрты,

шатры, войлочные палатки. Наиболее простыми переносными жилищами во время перекочевков были: шатер – «*курке*», состоявшийся из уыков, поставленных конусом и покрытых войлоком, *абылайша* – шанырак устанавливался на уыки, без кереге, *айтасыр* – состоял всего из двух канатов кереге, *итарһа* – из двух кереге, сложенных друг к другу, *жабасалма*, *жаппа*, *жоламай*, *жолым/жолым ьй*, *тоғһайма*, *цранһай*. Чаще использовались в походах и кочевках юрты «*жолым уй*», состоявшие из трех-четырех кереге и уыков [13].

Юрта легко транспортируется, собирается и разбирается. Вся операция по разборке ее занимает час, а при сборке – максимум два часа. Такая оперативность при сборке и разборке достигалась тем, что все детали юрты строго унифицированы и стандартизированы. Инсоляция, аэрация и освещение в юрте осуществляются через верхнее отверстие/*тльндік*, которое, одновременно, является как бы солнечными часами для определения времени дня. Войлочная оболочка юрты, в основе которой шерсть овцы, выполняет теплозащитные функции, обладает уникальным теплоизоляционным свойством, и, главное, «дышит», как меховой покров животного, т.е., является экологически самым совершенным и «чистым» строительным материалом, как и дерево.

Очень важным является такое свойство юрты, как устойчивость в антисейсмическом отношении, ибо круглая форма и шарнирная система конструкций хорошо сопротивляются не только вертикальным, но и горизонтальным сейсмическим воздействиям и нагрузкам. Круглая и приземистая симметричная форма казахского кочевого жилища выдерживает сильнейшие ветры.

Зимой юрта утепляется: жилища покрывают двойным войлоком, низ решетчатых стен закрывают специальным утеплителем. Летом юрта охлаждается – приподнимают войлок у низа стены и устраивают вентиляцию.

Пребывание в юрте дарит чувство уюта и прохлады, когда летом царит жара, и чувство тепла и покоя, когда за юртой свистят ветры и завывает пурга. Жизнь в юрте предохраняет от заболевания туберкулезом (как показало научное исследование антитуберкулезной комиссии Института Пастера в Париже, во главе с проф. И. И. Мечниковым в 1911 году). Переносное жилище – куйме на повозках в древности (в такую повозку в зависимости от величины впрягали от двух и более быков, а иногда и верблюда; устроена она была по аналогии с юртой, но не разбиралась), юрта – было удобно. Во-первых, войлок значительно лучше защищает от ветра и мороза, чем промерзающие стены земляного или каменного дома, и, меняя стоянку, всегда можно найти место, обеспеченное топливом, водой. Юрта – это не просто жилище, но и целая философская модель мироздания, четко фиксирующая низ и верх, центр и периферию в структуре мирового целого и в человеческом бытии. Вход казахской юрты всегда был ориентирован на восток. Кочевое поселение казахских кочевников – *аул* – включало обычно 3–5 юрт, обращенных на восток, и стоявших поблизости друг от друга. В летнее время они группировались в более обширные кочевые поселения – *улус* – насчитывавшие до 30 *аулов*.

Народные способы определения пространства и времени. У казахских кочевников дневное время определялось по солнечным лучам, проникавшим внутрь юрты через верхнее ее отверстие/*тльндік*. Времена года распределялись также по сезонам: время переезда на кыстау, откочевки на коктеу, на жайлау, на кузеу. По растительному циклу: время расцвета подснежника, роста травы, расцвета можжевельника... По животному циклу: кукования кукушек, случки скота, кастрирования баранов...

Особенность жизни казахских кочевников, определенность выполнения тех или иных видов хозяйственной деятельности выразились в своеобразных измерениях времени: *бие сауым*/время, необходимое для доения кобылицы; *бас сауым* (первое доение); *шай һайнатым*/время, за которое вскипает вода в чайнике; *слът пісірім*/вскипает молоко; *ет*

асым/варится мясо; *һозы жамырасан кез*/время суток, когда ягнят подпускают к овцематкам после доения; *һой һораласан мезгіл*/время суток возвращения овец в овчарни; *һозы алып болсан кез*/сезон ягнения овец; *бие байласан уаһыт*/сезон и время дойки кобылиц; и др.

Пространство у казахов рассматривалось как дистанция, которую предстоит преодолеть кочевому аулу, учитывая слабых его членов, женщин, старух, молодняк. Первичной мерой пространства выступал *кДш*/перекочевка (*һозы кДш жер*), по которому ориентировались на слабейших. Вместе с тем, мерой, мерилом богатства были лошади, а для выпаса их требовалось большее пространство. Семантическая классификация меры пространства позволяет распределить их на несколько групп: 1) небольшое расстояние, равное дневному переходу, совершаемому ягненком (*һозы-кДш* – один перегон ягнят, 3–4 версты); 2) расстояние, равное пространству, которое двухгодовалый жеребенок может преодолеть вскачь, 8–10 км (*һцнан шаптырым*); 3) *ат шаптырым* (расстояние одной конской скачки, 30–35 км); 4) *тлье кДш жер*/расстояние одного перехода на верблюдах = 50 верст; также – *һой Дрисіндей жер*/расстояние овечьего перехода на пастбище=близко,

Система выпаса скота на пастбищах. Засушливость климата, характер почв и существующее биоразнообразие пастбищной растительности в регионах Казахстана исторически определило такую своеобразную форму природопользования и жизнеобеспечения населения как кочевое скотоводство. Казахские скотоводы передавали из поколения в поколение многовековые навыки и традиции пастбищного содержания скота. Это опыт выбора пастбища, определения их емкости, навыки в способах выпаса, отыскания мест для копки колодцев и их строительства, строительства помещений для скота; специализированные предметы-орудия скотоводческого хозяйства, быта, специализированная утварь, пища и многое другое. Казахи в прошлом выпасали скот с соблюдением народных экологических традиций. В традиционной культуре кочевников одним из главных достояний было **пастбище**. Материальное благополучие зависело от хорошего состояния пастбища. В основе этого было накопление экологических знаний, и сложная система мер, поддерживающих устойчивость пастбища. Одной из основных мер был сезонный цикл перемещения, то есть перекочевок, обеспечивающих попеременное восстановление растительного покрова различных площадей, разведение комплексного стада nomadных животных (овцы, лошади, верблюды), которые потребляют различные виды трав. Эти меры поддерживались родовыми традициями и религиозными запретами нарушать почвенный покров и землю.

Техника ведения скотоводческого хозяйства включала ряд приемов, проверенных многовековым опытом. Скот содержался на подножном корме в течение всего года. При выборе пастбищ для скота казахи учитывали качество почв, рельеф, а также наличие рядом водоемов. За такой продолжительный срок содержания стада на подножном корме скотоводы постоянно меняли пастбища по мере поедания травяного покрова и, таким образом не допускали истощения почв. Основным условием хозяйствования являлось недопущение «**перевыпаса**». Скотоводы знали, какие виды трав пригодны для разных животных, умели определить качество, строго соблюдали экологические традиции. (Питательная ценность травостоя сухостепных горносклоновых и мелкозлаковых луговых пастбищ в период с середины июня до середины октября снижается, соответственно, на 26,7 и 36,8%. Поэтому урожайность пастбищ должна устанавливаться по питательной ценности в различные сезоны года в кормовых единицах или обменной энергии). При соблюдении допустимых пастбищных нагрузок на естественных степных угодьях сохраняется богатое разнообразие видов растений, животных и птиц. Хорошие пастбища – это не только высокопродуктивные кормовые угодья, но и богатая кладовая ягод, лекарственных и медоносных трав и дичи.

Перекочевывая, животновод должен был знать, на каком пастбище, и в какое время года лучше пасти овец. От этого зависела их упитанность. Перед началом окота (ягнения), который обычно приходился на апрель-май, овец выпасали в низких местах, где больше всего образуется проталин, а растительность, показавшаяся из-под снега, наиболее питательна. С появлением подснежника овец перегоняли на пастбища расположенные у подножий и на склонах гор и холмов, а затем на равнины, где растет степная полынь. Для выпаса животных скотоводу важно было уметь определять качество травы. Трава считалась питательной, если отрывалась у самого корня, имела красноватый оттенок, сладковатый вкус. Верным признаком определения качества травы являлся конский помет, оставшийся на пастбище. Если он был черного цвета, крупный, цельный, но не твердый, то трава на пастбище, как правило, была хорошей. Плохой считалась трава в лесистой местности, а хорошей – на возвышенных местах. При разных пастбищных нагрузках выпасающиеся животные могут оказывать как благоприятное, так и отрицательное влияние на травостой. *При соблюдении традиционных нормативов допустимых пастбищных нагрузок стравливание оказывает благоприятное влияние на степные растительные сообщества.* При этом снижается количество ветоши в травостое, его закустаренность, почва обогащается навозом. Незначительное подавление доминирующих дерновинных злаков снижает их конкурентное преимущество над разнотравьем. Поэтому в травостоях возрастает доля бобовых и разнотравья. Как правило, умеренное стравливание увеличивает сомкнутость травяного покрова. Снижение доли ветоши в травостое способствует увеличению доли зеленого корма. Превышение пастбищной нагрузки вызывает негативные изменения степных растительных сообществ. При многолетней перегрузке из травостоя выпадают ковыли, другие ценные злаки и бобовые, вместо них разрастаются сорные травы. Перевыпас уплотняет почву и сильно угнетает растения. Ухудшение почвенных условий замедляет отрастание отавы. Падает качество и урожайность пастбищ. Степь теряет одно из своих важнейших качеств – устойчивость к засухе. Особенно негативно на степные пастбища влияет выпас овец. Несколько мягче воздействует крупный рогатый скот. Выпас лошадей наиболее *безопасен* для степного травостоя. Во время пастбы острые копыта овец давят на почву с силой 5,4 кг/см², для КРС этот показатель составляет 5,1 кг/см², для лошадей 2,6 кг/см². Овцы на единицу пройденного пути составляют в 2 раза больше следов, чем лошади или коровы. При выпасе овец растения угнетаются больше от вытаптывания, чем от стравливания. Чрезмерное вытаптывание разрушает не только надземные части трав, но и их корневую систему, при этом сильно уплотняется почва, что ухудшает аэрацию корней и влагоемкость почвы.

На пастбище лошадей масса травостоя наибольшая. Кони, часто перемещаясь на значительные расстояния, равномерно стравливают травостой на всех участках пастбища. Такой режим выпаса обеспечивает для растений лучшие условия для отрастания. При этом лошади охотно поедают широкий спектр видов степных растений. Это способствует равномерному распределению нагрузки на разные виды степных трав. Выпас лошадей почти не влияет на видовое разнообразие степи. В районах с пересеченным рельефом вегетация на разных участках пастбищ весной начинается не одновременно. На вершинах сопков и на южных склонах травы всходят значительно раньше, чем в понижениях и на северных склонах. При этом на высоких точках рельефа рано высыхает почва, что делает ранневесенний выпас безопасным для дернины. К вершинам холмов приурочены каменистые степи, максимальная продуктивность которых приходится на весенний период и на начало лета. Поэтому казахские скотоводы пастбищный сезон начинают со стравливания вершин холмов и южных склонов. По мере высыхания почв на понижениях и равнинных участках, поголовье переводится на них [14].

Для зимних пастбищ использовались территории, хорошо защищенные от снежных бурь и ветров, для **летних** – участки с богатой растительностью и хорошим водообеспечением, для весенне-осенних пастбищ – бесснежные участки с буйной весенней растительностью, а осенью – молодых побегов кустарников и полукустарников. Такая система давала возможность сохранения высокой продуктивности пастбищ и рационального их использования в течение очень долгого времени. Пастбищная растительность является важнейшим энергетическим ресурсом в получении животноводческой продукции. Энергия переработанного пастбищного корма тратится на прирост живой массы животных, определяет шерстную продуктивность и качество продукции в целом. Таким образом, количество и качество пастбищного корма, определяет продуктивность выпасаемого скота. Кочевник никогда не держал скот на одном месте продолжительное время. У казахов-кочевников была поговорка: **«На одном месте жена толстеет, а скот худеет»**. И, действительно, по данным исследователей того времени весенне-летне-осенние стоянки редко были более 30 дней. В отдельные годы скот перемещался с одних пастбищ на другие даже зимой. Особенно ценным при этом является способность кочевников использовать *воду* для поения животных, которой так не хватает на пастбищах. Зимовавшие в песках Мойынкум, в тростниковых зарослях реки Чу, на побережье Аральского моря ранней весной уходили на север *«за снегом»*. До наступления жары они проходили пустыню Бетпақдала, пока на ней сохранялись дождевые ямы/лужи с водой. В течение лета они выпасали скот на степных, достаточно/относительно обводненных пастбищах Сарыарка, а когда начинались заморозки, кочевали обратно. Здесь уже кочевники двигались *«по снегу»* – главному источнику водопоя для перегоняемого скота. В ноябре они достигали своих зимних пастбищ. Кормление скота, при такой форме использования пастбищ, позволяло получать продукцию высокого качества. По заключению Ф. А. Щербины, «казах – превосходный ботаник: у него существует довольно сложная и разнообразная номенклатура для обозначения разного рода растений и широкое знакомство с кормовым значением каждого растения для разных видов скота и в разные времена года». В «Материалах по киргизскому землепользованию» приводится «номенклатура» казахских пастбищ:

- *бозот* – степные пастбища, где произрастают злаки: *кДде/ковыль, тетеге, селеу/ковыль перистый, тархау _____* и разные *туганы*;
- *һараот* – темный корм, представленный акжусаном, каражусаном, изенем, кейреухом, караматау, кокпеком и другими кустарниками;
- *алажамыр* – степь с плешинами солонцов, где растительность покрыта налетом соли;
- *ащы* – пастбища на засоленных почвах;
- *щцбар* – увалистая местность, где по низинам, наряду с травянистой растительностью, встречаются заросли таволги и караганы;
- *һарабауыр* – пастбища на склонах, с которых снег сгоняется ветром.

Казахские породы лошадей и овец были неприхотливы и приспособлены к круглогодичному содержанию на подножном корму. Кочевники совершали длительные переходы по сезонным пастбищам. Пути кочевков, выработавшиеся веками, пролегали по известным бродам рек, удобным горным перевалам, пастбищам с обильным кормом и хорошими водопоями. Использование пастбищ предполагало знание состояния травяного покрова в том или ином районе в соответствии со временем года. Кочевание казахов-животноводов было неотъемлемой частью их хозяйствования и имело своей целью сохранение пастбищ, обеспечение скота дешевым и питательным кормом, повышение роста поголовья и качества животноводческой продукции. Выпас скота является одним из наиболее мощных факторов, воздействующих на растительный покров, с ним связаны смены растительности в пустыне. Положительное значение оказывает

только **умеренный выпас**; под влиянием чрезмерного выпаса происходит обеднение и опустошение пастбищ. Выпас изменяет растительный покров пастбищ. Умеренное объедание растений и заделка их семян в почву обеспечивает лучшее возобновление растительности. Положительное воздействие умеренного выпаса определяется рыхлением скотом поверхности почвы, своевременной заделкой семян и обогащением почвы за счет навоза животных. Отрицательное влияние *чрезмерного выпаса* отражается в излишнем разбивании песчаной почвы вплоть до образования барханов, в заделке семян на слишком большую глубину, откуда они не могут прорасти, в угнетении растений в результате систематического объедания и в уничтожении всходов. *Полное отсутствие выпаса* отрицательно влияет на возобновление пастбищ, особенно в бесплодных пустынях, например в Каракумах, где они начинают зарастать эфемероидными мхами, постепенно вытесняющими травянистую растительность за счет перехвата росы и дождевых вод. В конце концов, почва покрывается сплошным ковром мха (отсюда, кстати, и название Каракум – «черные пески»: с поздней весны до середины осени высохший мох имеет черный цвет).

В аридных условиях мобильное использование пастбищ – это оптимальный способ сохранения уязвимых пустынных и полупустынных экосистем. Главной причиной начала деградации пастбищ является несоблюдение нагрузки выпаса и коэффициента использования кормовой массы. Продуктивность таких пастбищ низка. **Одинаково вредны для состояния пастбищ как перевыпас скота, так и недовыпас**, в результате снижается кормоемкость пастбища.

Скотоводы гипер-аридных регионов разработали свой оптимальный щадящий метод эксплуатации пастбищ пустынь, который передавался из поколения в поколения и дошел до наших дней. При использовании традиционного народного метода всю площадь отгонных пастбищ, закрепленных за отарой, делили на отдельные участки. Выпас осуществляли, поочередно, переходя с участка на участок. Чабан должен обладать навыком *поворота отары овец* в нужном направлении, т.н. «*оборачивание*». Оборачивание проводится для достижения следующих целей: концентрации разбредшихся в разные стороны во время пастыбы овец, достижения равномерного поедания травостоя на выпасаемом участке и перевода овец, идущих в задних рядах, вперед, и наоборот – чтобы овцы передних рядов оказались в задних рядах, то есть повернуть ход отары в обратном направлении. Эта мера мотивируется тем, что сильные мощные животные, двигаясь быстро, выделяются вперед и поедают самый лучший и чистый корм, а овцам, идущим в задних рядах, достаются запыленные, потравленные и затоптанные растения. Если чабан не будет периодически оборачивать отару (*мал/отар һайыру*), то сильные животные становятся более упитанными, а овцы послабее – худыми и истощенными. При постоянном применении *метода оборачивания* в процессе пастыбы, овцы оказываются поочередно – то в передних, то в задних рядах отары. Это обуславливает равномерный выпас животных. Следовательно, опытный чабан старается создать такие условия, при которых все животные в отаре имели бы одинаковую степень упитанности. По традиции оборачивание отары проводится *справа налево*, и движение ее происходит против часовой стрелки, при этом контур отары по форме напоминает полумесяц. При оборачивании отары ее левая сторона в уплотненном состоянии остается на месте, а правое крыло разворачивается по полукругу. В этом случае, чабан обычно располагается справа от отары, на ее внешней стороне. Опытный чабан должен уметь пасти отару, сообразуясь с направлением ветра. В дни пыльных бурь, снежной метели или другими неблагоприятными метеоусловиями, чабан выпасает отару в зоне видимости от тырла (места отдыха). Чабан постоянно должен следить за ходом пастыбы овец, чтобы обеспечить нормальную сытость скота. Порой некоторые уставшие овцы замедляют ход отары, к ним присоединяются и другие овцы. Уставшие овцы кормятся медленно, затем ложатся, встают и приступают к жвачке. Некоторые животные наедаются быстро и устраиваются лежать, отдыхать. Таких овец

чабан должен своевременно поднять с места. Ведь примеру этих овец последуют и еще не насытившиеся животные. В случаях, когда примерно 1/3 часть отары расположилась лежать, чабан прекращает пастьбу и обходом вокруг стада концентрирует его на одном участке. В большей части года на отгонных пастбищах травы находятся в воздушно-сухом состоянии. Поэтому при пастьбе чабан должен добиваться того, чтобы сухой травостой поедался равномерно. Отмечаются случаи, когда даже на пастбищах с нетронутым травостоем животные пасутся беспокойно. Ведь овцы, в первую очередь, стремятся съесть урожай понравившихся им лакомых растений, в особенности их листья. Остальные травы овцы затаптывают, превращают в солому и запачкивают. Корм на сильно загрязненных участках животные не поедают или поедают с трудом, неохотно. Однако надо добиваться того, чтобы и этот корм должен быть съеден скотом. Если такому участку отгонного пастбища с потоптанным травостоем дать 5–6 дней отдохнуть, проветриться, то затем туда можно ввести отару, добиваясь тем самым равномерного поедания. В целом, в течение дня рекомендуется выпасать сначала на пастбище нетронутым, а во второй половине дня на пастбище с потоптанным травостоем. Для соблюдения этого требования, намеченные к эксплуатации участки пастбищ делят на полосы. При таком разделении пастбищ одна сторона полосы представляет собой нетронутое пастбище, а другая – пастбище с потоптанным травостоем, и аналогичный порядок сохраняется при стравливании следующих полос. Таким образом, добиваются полного стравливания участков с потоптанным травостоем. Во время короткого отдыха от пастьбы их поверхность в какой-то степени очищается и обновляется ветрами и дождями. Завершение процесса равномерного поедания кормов на отгонном пастбище означает реализацию сути популярного у скотоводов емкого изречения: **“Надо провести не скот через траву, а траву через нутро скота” [15, с. 17–28].**

Выпас скота на жайлау. Скот разделяют на группы по видовому составу. Лошадей пасут вдали от аула «бригада» табунщиков, образуются отдельные косяки/льйр во главе с жеребцом/айсыр. Жеребят днем держат в ауле, кобылиц 5–6 раз доят, а на ночь отпускают с жеребятами в «ночное». Овец, разделив на отары, пасут в пределах более близкого радиуса выпаса, постепенно стравливая им различные участки пастбищ в округе, два-три раза, в течение суток, гоняя их на водопой. Коровы, если они имеются, на ночлег подтягиваются сами к аулу, им обычно не устраивают каких-либо огороженных загонов. Верблюды пасутся самостоятельно и, если кроме колодца (на степном или полупустынном жайлау), не имеется других источников воды, раз в несколько дней сами приходят к водопою. Но даже если скот пасется самостоятельно, хозяева постоянно ведут «мониторинг» их передвижений и знают, где, в каком месте их можно найти. В случае временного отсутствия информации по этому вопросу, опытные чабаны, табунщики пускаются на поиски отбившейся скотины (группы скота) и, как опытные следопыты, как правило, быстро находят ее (подсказку могут получить у вблизи расположившихся аулов, у встречного всадника). От мастерства и опыта чабанов, табунщиков, верблюдоводов – в первую очередь зависит сохранность и приумножение скота. Каждый вид скота, в период разных своих возрастных сроков, в разное время года, в разных природно-климатических зонах, в условиях выпаса на разных по своей энергетической емкости пастбищах, водопоя на разных по качеству водных источниках, в условиях разной концентрации по численности своей – требует от скотовода применения, наиболее эффективного в данной ситуации, конкретного трудового, профессионального способа, приема работы. Скотовод, основываясь на своей многолетней практике, помня советы и опыт своих коллег по профессии (как нынешних, так и прежних) знает в совершенстве анатомию любого вида домашнего скота, его потребности, его нрав, его возможности, все богатство флоры степей, пустынь, гор (съедобные для скота, полезные и целебные, и ненужные, ядовитые травы, кустарники, деревья), методы народной ветеринарии, умеет и сам различать,

предсказывать погоду, и угадывать ее по поведению своих подопечных ... (*Мал баһһанса бітеді /Скот множится у того, кто умеет пасти; Ғой семізі ғойшыдан /Упитанность овец – от трудолюбия чабана; Еғбегі жансаннығ тоғтысы егіз туады /Когда работа спорится, ягнята двойни приносят; Малды іріктемесеғ, тдһымы азады, һонысты жағартпасағ, Дрісі азады /Когда нет племенной работы – скот вырождается, когда пастбище не меняют – пастбище истощается; Жаһсы ғойшынығ тДлі тльлеп туады, жаман ғойшынығ тДлі жльдеп туады /У хорошего чабана ягнята резвыми рождаются, у плохого – полумертвыми; Жаһсы ғойшынығ һозысы тльлеп тдрсанда, жаман ғойшынығ һцнан ғойы жльдеп тдреды /У хорошего чабана ягнята резвыми рождаются, у плохого – овцы истощены; Жаман ғойшы жайлауын бір кльн жейді, жаһсы ғойшы жайлауын мығ кльн жейді /Что плохой чабан за день стравливает, отаре хорошего чабана на тысячу дней хватает).*

На протяжении трех тысячелетий кочевники-животноводы использовали нынешнюю территорию Казахстана в качестве пастбищ. **Но до нас не дошло ни одного факта глобальных (да и локальных) изменений пастбищных земель от прямого воздействия человеческой деятельности** (вплоть до эпохи проникновения капиталистических отношений). История донесла до нас сведения о катастрофических жухах, проходящие периодически в казахстанской степи под действием климатических факторов (снежные зимы, чрезмерно засушливые годы), **но фактов деградации земель от перегрузки или бессменного выпаса – история до нас не донесла. По всей вероятности, из-за того, что их не было.**

Использование пастбищ в табунном коневодстве. Как только начинали отцветать весенние эфемеры, типчак и ковыль, табуны выпасали на южных склонах сопок, где обычно снежный покров сходит раньше и начинается вегетация пастбищной растительности. Когда высота кормовой растительности достигает 7–10 см, лошадей переводили на ровные участки. Распорядок дня в маточном табуне в этот период такой: лошади находятся на пастбище в течение суток, водопой с 7 до 8 часов утра и 17–18 часов дня. Ранней весной на ночь табун перемещается на подсыхающие участки пастбищ, во избежание простуды жеребят, которые подолгу спят лежа. Если на месте пастьбы имеется водопой (ручьи), образующиеся от талого снега, весенние речки, то перегонять лошадей к водопою не следует. Во время сильного холода и ветра, холодных весенних дождей, идущих нередко вперемежку со снегом, табун располагали таким образом, чтобы лошади паслись по ветру и следовали к месту естественных затиший. В период массовой выжеребки, маточный табун выпасали вблизи водопоя, рассредоточивая косяки, поскольку нельзя допускать частого скучивания и перегона лошадей, ибо кобылы при этом нередко теряют жеребят, что ведет к появлению сирот и падежу молодняка.

С момента выгорания трав табуны переводили на пониженные участки рельефа, где растительность еще продолжает вегетацию. Высокая температура воздуха, кровососушие насекомые и мухи летом препятствуют дневной пастьбе лошадей, поэтому в жаркие дни (температура воздуха выше +25°C) их пасли с 17–18 часов вечера до 9–10 часов утра. Днем лошади непрерывно тырловали, т.е., табун собирается в кучу на *тырло*, на одном месте на пастбище, при неблагоприятной погоде или массовом лете насекомых. Зимой место для *тырло* (от тюркского – *тарлау/тарнау/тырлау* – 'пастбище, выгон, поле, пастбище') выбирают в затишке, а летом, наоборот, – на высоком открытом месте, обдуваемом ветром. Место для тырло выбирали недалеко от жилья табунщиков/*жылһышы*, на возвышенном, хорошо продуваемом месте. Лучше, когда табуны тырлуют косяками, ибо большая масса лошадей, сосредоточенная на одном месте, выбивает копытами растительность и выводит травостой пастбищ на годы.

Нельзя оставлять лошадей на тырловку и у мест водопоя на родниках, плесах, так как животные загрязняют воду и делают ее непригодной к использованию. Как только спадала дневная жара (обычно к 17–18 часам), табун направляли к водопою. Напоив, перегоняли к месту ночной пастьбы. Маршрут строили с таким расчетом, чтобы к 7–8 часам утра лошади подошли к водопою. Для этого «голову» табуна все время ориентировали с таким расчетом, чтобы во второй половине ночи направление пастьбы табуна было в сторону водопоя. Избегали многократного движения лошадей по одному и тому же следу, так как это отрицательно сказывается на состоянии пастбищ, а в последующем – и на самих животных. При организации ночной пастьбы, учитывали, что табунные лошади отдыхают в течение ночи дважды, обычно первый отдых наступает в 22–23 часа, второй – около 3–4 часов. В это время значительная часть лошадей спит стоя, а жеребята и молодняк до двух лет спят лежа, особенно крепко спят жеребята. Продолжительность отдыха длится от 30 минут до часа и больше. В середине и в конце лета табуны выпасали на злаковых и разнотравных пастбищах, в местах наибольших понижений рельефа и близким залеганием грунтовых вод. Обычно это глубокие лога, природниковые участки, и т.д. Когда ложится устойчивый снежный покров, лошадей перегоняли на злаково-разнотравные пастбища. Особенно хорошо они наживаются в это время года, на участках пастбищ с мелким снежным покровом. По окончании осенней наживки, в условиях Центрального Казахстана, обычно в первой декаде ноября, табуны перегоняли на зимние пастбища. Перед перегоном тщательно осматривали поголовье лошадей. Больных, слабоупитанных животных отбивали. Под зимние пастбища отводили участки, не используемые в другое время года. Еще осенью проводили осмотр всех зимних пастбищ, определяли их примерный кормозапас и намечали нахождение табунов на том или ином участке. При этом имели в виду, чтобы к началу выжеребки, маточные табуны подошли к ранневесенним пастбищам. Современные справочники по кормлению скаковых спортивных лошадей настоятельно советуют чаще выпасать лошадей и не злоупотреблять фуражным сеном и комбикормами: «Зеленый корм возбуждает аппетит и улучшает пищеварение, с ним лошадь получает много минеральных веществ и витаминов. На выпасе в организме лошади под интенсивным воздействием солнечных лучей усиливается образование витамина D, что ведет к улучшению фосфорно-кальциевого обмена. Вот почему выпас совершенно необходим при выращивании жеребят. Для него нужны достаточно большие пастбища, а не приконюшенные маленькие участки. Длительное нахождение при любой погоде на свежем воздухе закаляет организм лошади, повышает его сопротивляемость заболеваниям. Эту закалку необходимо закреплять выгулом лошадей *в зимнее время*. Луговая трава, люцерна, клевер и зародыши семян зерновых культур содержат все важнейшие минеральные вещества» [16].

Успешное кочевое скотоводство было бы невозможно без помощи верного друга скотовода-кочевника – **собаки**. В казахской степи преимущественно разводились две породы местных собак: *тобет* (волкодав, пастушеская разновидность) и *тазы* (борзая, охотничья). (*Малды баһсан, һойды баһ, май кетпейді шарадан. Ит асырасағ сырттаннан, һой бермейді һорадан* / Будешь пасти овец – придет достаток в дом, заведешь породистого пса – будет верно сторожить отару). Истинный тобет – не просто пастушеская собака (типа колли), а волкодав (!), и не просто пасет скот, но и *оберегает, стережет* его от волков и других хищников (на бескрайних степных просторах Казахстана опасность от волчьих стай возрастает многократно). Собаки-тобеты работают по пастьбе и перегону скота с полной отдачей и пониманием. А ведь – перегон стада, или кочевка – это очень тяжелая работа. Это тяжкий, многокилометровый путь. Переход на зимовку-кыстау, а потом на летовку-жайлау. Кыстау расположен (в Жетысу) примерно на высоте 500 м над уровнем моря и ниже, жайлау – примерно 2500 м над уровнем моря.

Собак, которые вызывают сомнение, в дальнюю кочевку не берут. Опасностей в пути много: волки, внутривидовые драки, после которых даже раненый пес, зачастую идти не может... Змеи – один из факторов гибели чабанских собак. Самое сложное – научить собаку ходить за скотом. Нельзя кормить щенков днем, только вечером. Надо брать щенков в седло и начинать кормить при отаре, на пастбище. Можно разрешать щенку гоняться за скотом, только не кусать. Если пытается кусать, – наказывать сразу. При табуне лошадей – обучение другое. Надо научить молодую собаку всегда быть рядом с лошадей табунщика, но не сзади. [17]. Казахская пословица гласит: «Добрый скотовод прислушивается и к лаю своих собак-овчарок». И, разумеется, кочевник без коня – это не кочевник и не скотовод.

Местные адаптивные породы скота. (Адаптивная порода – порода скота, исторически долго формировавшаяся в природно-климатических условиях какого-то определенного территориально ограниченного района. Она хорошо приспособлена именно к этим условиям, благодаря чему при малых затратах на содержание дает относительно высокую продукцию). Казахские лошади были в основном двух пород. Табунные лошади с длинным и широким туловищем и относительно короткими ногами обладали высокой способностью к наживке и зимней пастбе. Эта порода близка к современной казахской лошади типа «жабы». Кроме того, в степи разводили породистых скаковых лошадей.

Распространенным видом домашнего скота были верблюды. Казахи разводили одногорбых верблюдов «нар туйе», но большее предпочтение отдавали двугорбым. При кочевом и полукочевом хозяйстве верблюды круглый год оставались под открытым небом. Лишь иногда в холодное время их обшивали войлочными попонами или строили для них специальные укрытия. Казахи выращивали как крупных курдючных овец, так и более мелкие, тонкорунные породы. Кроме того, существовали породы крупного рогатого скота, приспособленные к пастбищному содержанию даже в зимнее время. Казахская лошадь прекрасно адаптирована к суровому степному и горному климату, равно как овцы, верблюды, коровы. Лошади сами добывают себе зимой корм из-под снега, разрывая его копытами (*тебеневка* – зимний выпас; тебеневочный инстинкт, т. е. способность животных выкапывать сухую траву из-под снега, сохранился лишь у некоторых адаптивных пород скота), и безошибочно находят дорогу к дому, когда время близится к вечеру. Европейский скот пал бы к концу недели, если не раньше, при таком питании, жаре, холоде и безводье. И, тем не менее, казахстанские степи дают самую вкусную и целебную баранину и конину. Одна из причин такой питательности пастбищ – поразительная энергоемкость флоры аридных степей и центральноазиатских высокогорий и наличие в ней большого количества микроэлементов.

Для скотоводов большое значение имела выносливость скота, которая вырабатывалась в процессе приспособления к суровым природно-климатическим условиям. С учетом этого, казахские скотоводы с давних пор производили искусственный отбор. Важнейшие качества казахского скота, выработанные намеренно и целенаправленно, заключаются именно в том, что он *круглый год содержится на подножном корму, не требует большого ухода, а летом и осенью быстро нагуливает жир.*

Казахские аборигенные овцы народной селекции являются ценнейшими генетическими ресурсами. Аборигенные животные проявляют высокую устойчивость к крайне тяжелым природным условиям, обладают высокой резистентностью к болезням. Имея невысокую «промежуточную» продуктивность в виде традиционной продукции животноводства за короткий период времени (цикл, сезон, год или несколько лет), они значительно превосходят культурные европейские породы по более полному освоению природных и других видов кормовых ресурсов местности, максимальному усвоению питательных веществ, по качеству большинства видов получаемой продукции.

Главными отрицательными (в стратегически-долгосрочной перспективе) качествами выведенных в советское время тонкорунных пород овец (например, казахский архаромеринос) являются – потеря приспособленности к круглогодичному пастбищному содержанию, а также явное ослабление резистентности к различным заболеваниям. Более того, интенсивные породы скота оказывают сильное разрушающее воздействие на степной травостой, ускоряют процесс деградации пастбищ, что не характерно для адаптивных местных пород.

Казахские же аборигенные овцы более экологичны по воздействию на пастбище (пасутся разрозненно, оказывают меньшее давление копытами на почву), отлично приспособлены к суровому степному климату и хорошо осваивают степные травы, а содержание их обходится в 8–10 и более раз дешевле, чем тонкорунных.

В Казахстане с древнейших времен существовали народные способы лечения скота. Скотоводы почти безошибочно ставили диагноз таких заразных болезней, как сибирская язва, чума крупного рогатого скота, оспа овец, сап, чума коз. Народный опыт научил их, что лечения против заразных болезней нет и при их появлении надо уходить. При падеже скота от эпизоотии на каком-либо месте-стоянке, считалось необходимым забросить это место на несколько лет. Это значительно сокращало потерю животных от заразных болезней.

Что касается борьбы с незаразными болезнями, то здесь народная ветеринария имела свои методы врачевания. К ним можно отнести деятельность *оташы* – костоправов. Ими применялся, например, метод кровопускания скоту. Лекарства готовились в виде отваров, мазей, присыпок.

Водопользование. *Культура водопользования, водосбережения и водоснабжения* является важной составляющей общей культуры каждого этноса. Успех кочевого скотоводства зависит от двух главных составляющих – наличия пастбищ и водопоя. Важно исследовать комплексно и системно объекты водопользования казахов-кочевников, особенности строения гидросооружений, сельскохозяйственное водоснабжение, технику водоснабжения, феномен бережного отношения казахов к воде, почитания и преклонения перед пресной водой, как части народной культуры, и т.д. В отличие от иранцев, в идеологии тюркских племен, которые широко расселены на территории Центральной Азии, вода была теснейшим образом связана с землей, но не в значении места, где занимаются земледелием, а как с пространством для пастбищ. Так, наряду с основными тюркскими богами – Тенгри и Умай, существовало *божество Ыдык Йер-Суб* «священная Земля - Вода тюрков», которое отражает эту взаимосвязь земли и воды.

В общем балансе водоснабжения в условиях казахского кочевого скотоводства колодцы составляли 20–25%. Они не были единственным и решающим источником водоснабжения кочевников. Поение животных во время перекочевки производится казахами, смотря по местности – из рек, озер, болот, оврагов, котловин, в которых собирается весенняя вода, или же из вырытых колодцев. В зимнее время, когда на земле лежал снег, кочевники совсем не поили скот и в основном использовали травостой безводной пустыни (*шДл*), не устраивая колодцев.

Выпас «*под снег*» предохраняет овцу и лошадь от простуды и способствует лучшему усвоению сухого зимнего корма. Казахи говорили: «*Зимний водопой жир сгоняет*». Водные ресурсы Казахстана весьма ограничены и не могут обеспечить развитие водоемких отраслей экономики. К таким природным условиям умело приспособились древние насельники Казахстана, которые развили здесь своеобразное отгонное животноводство. Их пастбища всегда располагались вдоль речного русла и были приурочены к определенным водным источникам, к бассейнам небольших рек или озер. В низовьях рек и окружающих их песков

располагались зимние пастбища (*кыстау*), в средних течениях – весенние и осенние (*коктеу*, *кузеу*), а в верховьях – летние (*жайлау*).

Сухость климата и засушливость территории развили у казахов особо бережное отношение к воде и к водным источникам. Многие родники в горах и колодцы в пустыне считались святыми. Казах-скотовод никогда не ставил свою юрту и загон для скота вблизи реки или плесового озера, а располагался поодаль, на водоразделе речной долины. Река использовалась только для водопоя и кратковременного полуденного отдыха. До сих пор не забыта пословица «*Кег деп жерді һорлама, мол деп суды былсама*» («Не мучай землю, считая степь бескрайней, не оскверняй воду, считая источник обильным»). Древние насельники Казахстана умели добывать воду буквально «из ничего»: у подножий кочующих барханов устраивали колодцы, на краю такыров – *сардобы* для сбора весенних вод, в предгорной зоне находили источники «*һарасу*», места выхода подземных вод конусов выноса горных рек и сухих речных долин. Часто здесь устраивались «*кяризы*» или «*канаты*» – подземные штольни, которые увеличивали дебит источника и позволяли подвести воду поближе к ее потребителям. Рыбаки Аральского моря и других крупных бессточных озер на все лето заготавливали пресный лед в специальных лабазах – «*мцзһала*», затем пили сами и поили свой скот биологически активной талой водой.

На восточном берегу Каспийского моря, на краю безводного плато Устюрт археологи обнаруживают своеобразные слепые каменные колодцы с разбросанными вокруг них крупными окатанными камнями. Это были специальные конденсаторы морской влаги, которая заносилась на плато бризовыми ветрами. Для этого над колодцами устраивался курган камней, в порах которого и конденсировалась вода, стекавшая в колодец. Дополнительно к указанным выше способам добычи питьевой воды, многие тюркские военачальники, как свидетельствуют древние эпосы, умели получать питьевую воду в походных условиях. Разумеется, эти способы считались военной тайной и остались в памяти народа в виде легенд [18].

Под колодцами кочевые казахи обычно понимали те места на своем кочевом пути, где можно было бы на скорую руку вырыть ямы-копани небольшой глубины, чтобы из них получить воду. Обычно – это понижения, на которых произрастает чий/*ши*. Колодцы в Казахстане можно разделить на три группы: к первой относились так называемые «*тайыз*/неглубокий, мелкий» глубиной 1–5 м, ко второй – «*терен*/глубокий», глубиной более 5–10 м, и к третьей – «*шығырау*», глубиной более 10 м.

Кочевники-скотоводы Кызылкумских и Каракумских пустынь запасались водой на весенний период следующим образом. С северной стороны песчаных барханов выкапывали огромные ямы (до 15 м в диаметре и до 3 м глубиной), которые обкладывались травой и зимой забивались снегом. Сверху еще набрасывали кустарники и траву. Таким запасом воды кочевники пользовались до лета, а затем переходили в места с глубокими колодцами. *Такырные пруды (һаһ)*. Элементарные водонакопительные сооружения в пустыне обычно приурочены к такырам – природным образованиям, представляющим своеобразные глиняные блюдца среди песков. Такыры распространены в пустынных зонах на горизонтальных поверхностях, встречаются на плато, в дельтах, на орошаемых землях, то есть там, где много глинистых фракций, а в местах с пересеченным рельефом – в лощинах. Помимо такыров, есть и пустынные такыровидные почвы. Такыры возникают в естественных понижениях, куда весной стекают потоки талых и дождевых вод. В таких водосборных площадках тонкие глинистые частицы постепенно оседают на дно, увеличивая и без того солидную толщу глины на поверхности. При их высыхании появляется трещиноватая поверхность – такыр. Такыр обладает двумя важными свойствами: во-первых, он собирает воду со значительной территории, потому что расположен в низине, во-вторых, он не дает воде впитаться в песок,

потому что обладает глинистой водонепроницаемой прослойкой на дне. Значение такыров в жизни населения пустыни еще совсем недавно было огромным. С такыра в 1 кв. км можно было в год получить до 15 000 кубометров воды. В тех местах, где мощность глинистых отложений достаточно велика (3–7 м), пастухи часто роют в центре такыра яму *ћаћ*, у туркмен *ойтак*. Это небольшой пруд глубиной около 1,5–2 м, вокруг которого прокапывают несколько радиальных канавок, по которым вода сбегает в приготовленный резервуар. Вода в таких прудах бывает только весной или до начала лета. В пустынях встречаются такыры с естественной дренажной сетью, обеспечивающей быстрый сброс атмосферных вод к водосбору. Но на большинстве такыров требуется создание искусственной водосборной сети. Она представляет собой сеть слабо углубленных канав. Углубление канав не рекомендуется из-за небольшой толщины такырной корки, так как вода может профильтроваться в подстилающие ее пески. Вынутый из канав грунт укладывается по краям канав большими изолированными кучками. Это обеспечивает сток воды с обеих сторон канавы. Эти простые сооружения служат скотоводам на протяжении нескольких тысячелетий. Весеннего запаса воды в яме хватает порой до середины или даже до конца июля, а это очень важно для мигрирующих по пустыне или полупустыне стад. Даже после того, как вода в яме иссякает, набухшая водой глина пруда еще способна поить корни растений, в результате чего вокруг такыра в пустыне создаются живые ландшафты. Для того чтобы эти водосборные площадки действовали бесперебойно, за ними тщательно ухаживают. Поверхность такырных прудов очищают от растительности, предохраняют от разбивания скотом. Там, где не принимают мер по охране водосборных площадок, разбивают их поверхность и поверхность прилегающих территорий, песчаные наносы и подвижные барханы быстро выводят такырные пруды из строя. *Вымораживание солевых растворов.* На Устюрте одним из способов получения пресной воды было естественное вымораживание солевых растворов. Местное население отводило воду ручьев в специально подготовленные подобия прудов большой площади и с малой глубиной, причем в одной из частей пруда глубина была намного больше. Во время зимних холодов водоем промерзал до дна, вследствие чего вода превращалась в практически пресный лед, а солевой раствор накапливался в глубокой части водоема. Оставалось только собрать лед и перенести его в подготовленные хранилища; весной, когда лед таял, получался резервуар, наполненный пресной водой.

В целях сохранения пастбищ вокруг колодцев, кочевники использовали *метод последовательного выпаса по участкам*. Сущность этой системы, представляющей упрощенный пастбищеоборот, заключается в поочередном выпасе скота, в течение нескольких дней, по каждому из *восьми радиальных секторов круга*, центром которого является колодец. Вокруг колодца выделяется участок, обеспечивающий выпас 1–2 отар овец в течение 30–32 дней. Каждый из восьми загонов используется 4 дня, при очередной их смене, от первого до восьмого.

При среднем запасе сухого поедаемого корма в 2 ц/га на 2 отары в 1200–1400 голов овец, потребуется на 32 дня пастьбы 700–800 га пастбищ. В этом случае каждый загон четырехдневного выпаса будет равен 90–100 га, а радиус пастьбы от колодца до 2,0 км. Наряду с выпасом вблизи водопоев казахские скотоводы применяли также различные виды *безводопойного выпаса* – зимний выпас по осеннему травостою, увлажненному зимними осадками, весенний выпас по свежему зеленому корму и ночной выпас “на росе” (применялся для пастьбы овцематок с ягнятами). Такое животноводческое освоение территории позволяло использовать полупустынные и степные, удаленные от колодцев и других источников воды, пастбища. На предгорных пастбищах такая система выпаса заменяет водопой в весеннее время полностью, на равнинах позволяет делать недельные промежутки в водопое, и, наконец, одно- и двухдневные промежутки водопоя практикуются на всей территории

Центральной Азии. Для водопоя неприхотливых животных, таких как овцы и козы, местное население применяло слабосоленую воду. Зимой кочевники могли уводить свои стада подальше от колодцев, что благотворно влияло на восстановление летних пастбищ. При умеренном выпасе скота на саксаульниках, выросших за лето и осень, козы и овцы объедают только боковые веточки и побеги, не причиняя особого вреда растению и не опустошая пастбищ. Для орошения пастбищ в некоторых местах население использовало испытанную веками систему лиманного орошения для улучшения пастбищ. Скотоводы прошлого не делали запасов кормов на зимнее время и на время засухи, что вызывало падеж скота и голод. Лиманные луга дают прекрасный травостой, что позволяет делать запас сена. Лиманы, как правило, образовывались стихийно, за исключением куйгунов. [19, с. 28–31].

Лесопользование. В условиях аридного климата отношение к немногочисленным лесам было всегда особым. Даже в горах, где деревьев было гораздо больше, сплошная вырубка не допускалась. При строительстве колодцев в пустыне требовалось укреплять стены стволами деревьев, обычно саксаула. Местные жители собирали саксаул выборочно и с очень большой территории. Разрешалось собирать только отмершие ветки и стволы. В качестве основного топлива повсеместно использовали кизяк/*тезек* – высушенный помет домашних животных. Подобная традиция существовала даже у казахов и кыргызов, кочевавших в средне- и высокогорьях Северного Тянь-Шаня, где имеются настоящие леса из тянь-шаньской ели и архи/*арша* (можжевельника). В отдельных местах существовал строгий запрет на выпас скота в лесах как горных, так и тугайных (*тугай* – прибрежные леса Центральной Азии, состоящие в основном из туранги, ивы, лоха и тамарикса, гигантских злаков и травянистых лиан). По современным данным, тугаи снижают уровень грунтовых вод и соленосного горизонта, уменьшают размыв берегов в 2–4 раза и аккумулируют аллювий. Саксаул в пустынях Центральной Азии был главной формой растительного мира и основным топливом, второе место занимал кизяк – лепешки из помета копытных. В пустынях строилось много колодцев, внутренние стены которых укреплялись стволами того же саксаула и песчаной акации, не подверженных гниению. Кроме саксаула и песчаной акации, из древесных пород в центрально-азиатских пустынях, в местах наличия близких грунтовых вод растет несколько видов тамарикса, тополя и ива, которая использовалась казахами, кыргызами и туркменами для изготовления деревянного каркаса для юрт. Растительность представляли в основном кустарники, полукустарники, одно- и многолетние травы [20; 21; 22].

Е. Оразбек

Литература

1. *Казахи*: историко-этнографическое исследование.–Алматы: Казахстан, 1995.
2. *Саханова К. Б.* Кочевой хозяйственный тип в Казахстане // Вестник КазГУ. Серия экономическая. Алматы, 1998.–№ 9.
3. *Таиров А. Д.* Кочевники урало-казахстанских степей и Приаралья в VII–VI вв. до н. э. // Вестник Челябинского университета.–2003.–№ 2.
4. *Акишев К. А.* Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней (V в. до н.э.–V в. н.э.): Научный доклад, представленный в качестве дисс. ... д-ра ист. наук.–М., 1986.
5. *Таиров А. Д.* Кочевники урало-казахстанских степей и Приаралья в VII–VI вв. до н. э. // Вестник Челябинского университета.–2003.–№ 2.
6. *Таиров А. Д.* Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахстанских степей в I тысячелетии до новой эры // Кочевники урало-казахстанских степей.–Екатеринбург, 1993.
7. *Муканов М. С.* К вопросу о родорасселении казахов на территории

- Казалинского и Перовского уездов Сыр-Дарьинской области (вторая половина 127 XIX в.) // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана /Тр. ИИАЭ АН КазССР.– Т. 12.–1961.
8. *Материалы* по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей.–Т. 5. Тургайская область, Кустанайский уезд.–Воронеж, 1903.
9. *Хозяйство* казахов XIX–XX веков.–Алма-Ата, 1980.
10. *Галкин М. И.* Этнографические сведения о местах расположения киргизских родов Оренбургского края // Записки РГО по отделению этнографии.–Т. 1.–СПб., 1867.
11. *Гавердовский Я. П.* Обзорение Киргиз-кайсацкой степи (часть 2-я) или Описание страны // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века.–Алматы, 2007.–С. 405–421.
12. *Хозяйство* казахов XIX–XX веков.–Алма-Ата, 1980.
13. *Востров В. В., Захарова И. В.* Казахское народное жилище.–Алма-Ата: Наука, 1989.
14. *Юнусбаев У.Б.* Оптимизация нагрузки на естественные степные ландшафты // <http://www.biodiversity.ru/programs/steppe/docs/unusbaev/index.html>
15. *Традиционные знания* в области землепользования в странах Центральной Азии: сборник / Под общ. ред. Г. Б. Бектуровой, О.А. Романовой.– Алматы: S-Принт, 2007.
16. *Кормление* спортивных лошадей // http://gannover.com/kormlenie_sportivnyx_loshadej.html
17. *Тобет* // http://www.tobet.kz/history_koordinator.html.
18. *Турсунов А. А.* Гидроэкологические проблемы Республики Казахстан // http://www.ca-c.org/journal/13-1998/st_09_tursunov.shtml.
19. *Традиционные знания* в области землепользования в странах Центральной Азии: сборник / Под общ. ред. Г. Б. Бектуровой, О.А. Романовой.– Алматы: S-Принт, 2007.
20. *Третий* Национальный доклад Республики Казахстан об осуществлении Конвенции ООН по борьбе с опустыниванием.–Астана, 2006 .
21. *Инициатива* Стран Центральной Азии по управлению земельными ресурсами (ИСЦАУЗР), Национальная рамочная программа. Республика Казахстан.–Астана, Алматы, 2005 г.
22. *Алимаев И. И.* Информация по традиционным знаниям казахов-скотоводов. Алматы, 2006.